

РАЗВОД С ДРАКОНОМ-ТИРАНОМ

ХОЗЯЙКА
ПРОКЛЯТОГО
ПОМЕСТЬЯ

ДИАНА ФУРСОВА

Диана Фурсова

**Развод с драконом-тираном.
Хозяйка проклятого поместья**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Развод с драконом-тираном. Хозяйка проклятого поместья /
Д. Фурсова — «Литнет», 2026

На глазах у Совета дракон Рэйгар Арден обвинил жену в измене и разорвал их брак. Вера лишилась титула, положения и права на защиту. Вместо новой жизни ей достался Чернокамень — разорённое поместье, из которого прежние хозяйки не возвращались. Вера боится каждого шороха за стеной, но утром всё равно идёт считать запасы и искать деньги на ремонт. Здесь есть люди, которым нечем платить и некуда уйти. Она не оставит их в доме, приготовленном для чужой смерти. Только Чернокамень не похож на обычную развалину: он слышит её имя, открывает запертые двери и хранит следы преступления. А за воротами уже ждут те, кто предпочёл бы сжечь поместье вместе с его новой хозяйкой. И тогда возвращается Рэйгар. Он привозит помощь, закрывает Веру от огня — и снова требует довериться ему, так и не объяснив, зачем уничтожил их брак. Вера ещё помнит, каково было любить этого мужчину. Но позволить ему решать за неё больше не сможет. Чтобы спасти Чернокамень, им придётся раскрыть правду о разводе. У этой правды есть цена — и заплатить её придётся дракону, который привык отдавать приказы.

© Фурсова Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1 — Приговор на балу	5
Глава 2 — Чернокамень встречает хозяйку	11
Глава 3 — Цена тишины	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Глава 1 — Приговор на балу

Музыка ещё играла, когда перед Верой распахнули двери бального зала. Под золотым светом свечей лица гостей повернулись к ней разом. Кто-то пожалел её, кто-то улыбнулся, но хуже всего было смотреть на тех, кто заранее знал, зачем её вызвали. Муж стоял возле Совета. Вера поискала рядом с ним своё кресло и не нашла.

Лакей объявил её имя слишком громко. Или ей так показалось.

— Герцогиня Арден, — прозвучало, и слово «герцогиня» отозвалось фальшивой нотой.

Вера заставила себя идти дальше. От двери до помоста было всего несколько десятков шагов; сейчас ей казалось, что она не преодолеет и половины. Шёлк её платья шуршал, как лист бумаги, на котором сейчас напишут окончательный приговор. Она держала спину ровно, подбородок — чуть выше обычного, потому что если опустить его хоть на сантиметр, кто-нибудь обязательно решит, что она уже сломалась.

«Не здесь», — приказала себе Вера. «Не при них». Слева под высокими окнами стояли дамы, похожие на букет холодных цветов: драгоценности, улыбки, веера. Справа — мужчины в мундирах и парадных камзолах, некоторые с серебряными чешуйками на воротниках — знак службы в драконьем войске. У дальней стены, на помосте, сиял стол Совета Чешуи: тёмное дерево, резьба в виде переплетённых крыльев, над ним — герб Империи.

Возле трона Рэйгар Арден держался немного в стороне от советников. Вера искала в его лице хоть какой-нибудь знак, предназначенный только ей, но муж выглядел безупречно спокойным. Его чёрные волосы были собраны лентой, на пальцах — перстни с камнями цвета угля. На груди — цепь с гербом дома Пепельных Крыльев.

Вера знала каждый его жест. Когда он опирался на трость — значит, терпел чужую глупость. Когда держал руки сцепленными за спиной — значит, контролировал ярость. Когда смотрел прямо — значит, решал убивать или миловать. Сегодня он смотрел вверх голов. Вера знала, что он заметил её: иначе не сжал бы так резко руки за спиной. Но встретиться с ней взглядом он не пожелал.

Вера подошла ближе, шаги считая так, будто шла по канату над пропастью. Она ожидала... чего угодно. Скандала. Упрёка. Приказа вернуться в их покои и молчать. Даже холодного: «Позже». Но она не ожидала этой тишины вокруг себя — тишины, которую люди умеют создавать только из сплетен.

— Она всё-таки пришла, — прошептала кто-то за веером.

— Смелая. Или глупая, — ответила другая.

— Герцог сегодня объявит...

— Тише.

Слова вязли, как сироп. Вера слышала каждое — и делала вид, что не слышит ни одного. Вера остановилась перед помостом, на положенном придворным расстоянии. Ещё недавно она поднялась бы к мужу без приглашения. Теперь ей пришлось ждать, когда он разрешит приблизиться. Рэйгар поднял руку. Музыка стихла мгновенно, будто музыкантов ударили по пальцам невидимой линейкой. Даже смех затих. Даже дыхание.

— Леди и лорды, — голос Рэйгара был ровным, без дрожи, без привычной насмешки. — Совет Чешуи просил тишины. Сегодня мы завершаем вопрос, который слишком долго отравлял дом Арден.

Слова упали на пол, как нож. Вера почувствовала, как в животе холодно. Но лицо её не изменилось.

— Рэйгар, — произнесла она. — Если ты собираешься говорить обо мне, сначала выслушай меня. Хотя бы сейчас...

Он не дал ей договорить.

— Тебя вызвали для этого, — сказал Рэйгар. Он посмотрел на канцлера, словно передавал ему право ответить. — Совет предоставит тебе слово.

Он обратился к ней так же, как дома, но от привычного «ты» стало только большее: теперь это слово прозвучало перед людьми, которые ждали её унижения. На помост поднялся канцлер — сухой мужчина с чернильными пальцами и глазами, которые не задерживались на лицах. Он развернул свиток, и печать на нём блеснула красным.

— По требованию Совета Чешуи и в присутствии свидетелей, — начал канцлер, — рассматривается дело о несоответствии герцогини Арден обязанностям дома Пепельных Крыльев...

Вера медленно вдохнула, стараясь справиться с дрожью. О наследнике она слышала и прежде. Теперь ей предстояло выслушать это при всём дворе.

— ...о неспособности дать наследника, — продолжал канцлер, — о нарушении клятвы супружеской верности...

В зале кто-то тихо ахнул. Вера едва удержалась на месте: обвинения в неверности она не ожидала. Слова о наследнике показались вдруг меньшей бедой.

— Нарушений? — переспросила она громче, чем позволял этикет.

Канцлер не поднял глаз.

— Имеются свидетельства, — сухо ответил он. — Слуги. Письма.

— Письма? — Вера сделала шаг вперёд. — Прекрасно. Тогда покажите письма.

Шёпот вокруг взметнулся, как стая птиц.

— Герцогиня, — вмешалась жрица печатей, сидевшая за столом Совета. Её голос был мягким, но от него по коже пробежали мурашки. — Здесь не место для истерик.

— Я попросила показать письма, — Вера повернулась к жрице. — Почему вы называете это истерикой? Если они действительно существуют, я хочу их прочитать.

Жрица едва заметно улыбнулась — как улыбаются, когда видят чужую кровь и знают, что она ещё польётся.

— Ты забываешься.

— Нет. Я хочу понять, в чём меня обвиняют. — Вера снова посмотрела на мужа. — Рэйгар, ты хотя бы видел эти письма?

Он наконец поднял взгляд. На долю секунды — всего на долю — Вера увидела в его глазах то, что не видели другие. Не злость. Не презрение. Усталость. Такая, будто он уже пережил этот момент много раз — и каждый раз умирал по кусочку. И тут же — снова лёд.

— Ты хочешь правды? — спросил Рэйгар негромко, но так, что зал слушал каждую букву. — Хорошо. Правда в том, что дом Арден не может позволить себе слабость.

— Слабость — это я? — Вера не повысила голос. Не дала ему удовольствия.

— Слабость — это пустая колыбель, — ответил он. — Слабость — это слухи. Слабость — это сомнения в моей крови.

— А спросить меня ты не подумал? — Она с трудом удержала голос. — Проще оказалось поверить чужим словам?

— Ты пришла спорить? — его губы дрогнули, но не в улыбке. — Или ты пришла принять то, что неизбежно?

Вера почувствовала, как пальцы на руках онемели. Она спрятала их в складках юбки, сжала ткань так, что костяшки заболели.

— Неизбежно? — повторила она. — Значит, ты уже всё решил.

— Решил не я один, — холодно сказал Рэйгар и кивнул на Совет.

Селестина Вельор сидела чуть правее жрицы печатей — там, где обычно не сидят те, кто «не имеет отношения». Свет свечей делал её волосы почти белыми, а улыбку — почти невинной. Вера встретилась с ней взглядом — и всё стало проще. Селестина слегка наклонила голову. Почти вежливо. Почти сочувственно. И очень, очень уверенно.

«Ты», — поняла Вера. «Это ты устроила. Или ты — часть этого».

— Есть ли у обвиняемой последнее слово? — спросил канцлер.

Слова «обвиняемой» ударили сильнее, чем «развод». Вера медленно вдохнула, почувствовала запахи зала: вино, духи, горячий воск, металл. И ещё — едва уловимый запах дыма. Драконьего.

— Последнее? — Вера оглядела зал. — Значит, решение принято до того, как меня выслушали. Тогда я скажу это для свидетелей.

Тишина стала гуще.

— Я была верна мужу, — произнесла Вера. — И хочу, чтобы это осталось в протоколе. Я делала всё, что от меня требовали. Я пыталась стать частью дома, который меня никогда не принимал.

Она повернулась к Рэйгару.

— А ты... ты даже не пытался.

У него на скулах выступили тени.

— Осторожнее, Вера.

Она услышала своё имя — и сердце предательски стукнуло сильнее.

— Ты всё-таки помнишь моё имя, — сказала она тихо. От этого было труднее продолжать. — Забирай титул и кольцо, раз решил. Но я не подпишу признание в том, чего не делала.

Селестина вдруг рассмеялась — коротко, как звон бокала.

— Какая речь, — протянула она. — Почти трогательно. Но ведь мы все знаем, чем заканчиваются красивые слова без наследника.

— Тихо, леди Вельор, — строго сказала жрица, но в строгом звучала улыбка.

Вера перевела взгляд на Селестину.

— Ты здесь слишком смело сидишь для человека, который «не имеет отношения».

— О, я имею отношение, — Селестина подняла подбородок. — Я имею отношение к будущему герцогства. А ты — к его прошлому.

— Не торопись занимать моё место, Селестина. Мы ещё не закончили.

Она увидела, как у Селестины дрогнули пальцы на подлокотнике кресла. У Селестины впервые исчезла улыбка, и Вера с неожиданным облегчением поняла, что всё ещё способна задеть её. Канцлер кашлянул.

— Совет постановил: брак между герцогом Рэйгаром Арденом и Верой Арден считается расторгнутым. Титул герцогини снимается. Имущество дома Пепельных Крыльев подлежит возврату...

— Ты серьёзно? — Вера повернулась к Рэйгару. — Ты хочешь забрать даже мои личные вещи?

— Всё, что носило знак дома, принадлежит дому, — сказал он. — Правила.

— Я помню эти правила. Только ты никогда не говорил, что они позволят отнять у меня всё за один вечер.

Он шагнул ближе, и воздух будто стал горячее.

— Ты не понимаешь.

— Тогда объясни, — Вера подняла лицо. — Хоть раз объясни.

Вместо ответа Рэйгар протянул руку к перу. Его пальцы дрогнули, и чернила капнули на край бумаги. Вера невольно ждала, что он передумает, но муж только крепче сжал перо.

— Подпишите, герцог, — напомнил канцлер.

На конце пера блеснул тяжёлый обсидиан. Рэйгар наклонился над документом. Вера не отводила глаз. «Посмотри на меня», — хотелось сказать ей. «Хотя бы сейчас». Но он не посмотрел. Он поставил подпись — коротко, резко, словно рубанул. Печать на документе вспыхнула красным, и кто-то в зале удовлетворённо вздохнул, будто увидел фейерверк.

— Теперь ты свободна, — произнёс Рэйгар.

Свободна. Это слово прозвучало как насмешка.

— Свободна? — Вера усмехнулась. — Тогда где мой выход?

Жрица печатей поднялась. На её ладони лежал второй свиток — с печатью чёрного воска.

— Выход есть, — сказала она ласково. — Туда, куда отправляют тех, кто не понимает своего места.

— Ссылка, — прошептал кто-то. — Её ссылают.

Вера взяла свиток не сразу. Посмотрела на печать — чёрная, будто кусок ночи, вдавленный в бумагу. На ней была вырезана башня и крылья.

— Чернокамень, — прочитала она вслух.

Слово прокатилось по залу.

— Ох... — кто-то не сдержал настоящего страха.

— Туда? — спросил кто-то тихо. — Но там же...

— Там же проклятие, — ответили шёпотом.

Вера почувствовала, как кожа на пальцах стала горячей, будто печать уже прожигала её через бумагу.

— Это шутка? — она посмотрела на Рэйгара. — Ты отправляешь меня в Чернокамень?

— Это решение Совета, — отрезал он.

— И ты согласился.

— Я подписал.

— Ты даже не торгуешься за меня, — сказала Вера, и в голосе вдруг прорезалось то, что она держала внутри: тонкая, режущая боль.

Рэйгар наклонился к ней так близко, что только она услышала:

— Если бы я торговался, они потребовали бы твою кровь.

Вера замерла.

— Что?..

— Иди, — прошептал он так же тихо. — И не оглядывайся.

Она хотела спросить. Хотела вцепиться в эту фразу, как в спасательный канат. Хотела вытащить из него правду. Но вокруг были глаза. Уши. Политика. Ловушка. Вера отступила на шаг.

— Значит, вот так, — сказала она громко. — Прекрасно. Я принимаю ваш приговор.

Зал зашевелился: кто-то разочарованно, кто-то удовлетворённо.

— Я поеду в Чернокамень, — продолжила Вера. — Я буду жить там, где вы меня похоронили заранее.

Она посмотрела на Селестину.

— И если я вернусь...

Селестина улыбнулась шире.

— Ты не вернёшься.

Вера улыбнулась в ответ — холодно, но искренне.

— Это мы ещё посмотрим.

Жрица печатей протянула ей тонкий металлический браслет — будто украшение. Вера не хотела брать. Но стража уже подошла ближе.

— Что это? — спросила она.

— Формальность, — ответила жрица. — Запрет на выезд. Чтобы ссылка не превратилась в прогулку.

— Формальность, — повторила Вера и подняла браслет. Внутри, на гладком металле, была выгравирована руна.

Знак напоминал руну порога, которую Вера видела на охранных печатях дома Арден. Только здесь линия была замкнута вокруг неё самой. Вера надела браслет на запястье — и

металл сомкнулся сам, как живой. Ледяной укус, вспышка боли, затем — тепло, будто под кожей загорелся тонкий угольный след.

Она не вскрикнула. Она посмотрела на Рэйгара, ожидая хоть чего-то. Рэйгар остался возле стола. Он посмотрел на сомкнувшийся браслет, и Вера увидела, как резко напряглась его челюсть. Она не смогла понять, испугался он за неё или узнал в печати что-то, о чём предпочитал молчать.

Он отвернулся раньше, чем она успела спросить.

— Отведите, — приказал канцлер.

— Не надо, — сказала Вера стражникам, когда те шагнули ближе. — Я умею ходить сама.

Она развернулась и пошла через зал, словно по раскалённым углям. Её юбка касалась пола, и каждый шорох казался ей громче музыки. Сзади снова заиграли скрипки — будто ничего не произошло. Люди засмеялись, заговорили. Кто-то поднял бокал. Кто-то уже начал обсуждать, какого цвета будут ленты на новой свадьбе.

Вера шла и слышала обрывки:

— Наконец-то...

— Слишком долго терпел...

— Говорят, она...

— Чернокамень её...

У двери её догнал капитан стражи — молодой, но с каменным лицом.

— Карета готова, леди... — он запнулся и быстро исправился: — Вера.

Это было почти милосердие. Почти.

— Где моя служанка? — спросила она, не глядя на него.

— Вам разрешено взять один сундук.

— Один? — Вера остановилась. — А остальное?

— Остальное принадлежит дому Арден.

— Конечно, — сказала она. — Всё принадлежит дому Арден. Даже воздух.

Капитан сглотнул.

— Вы не понимаете, — прошептал он. — Чернокамень...

— Я уже слышала, — оборвала Вера и пошла дальше.

В коридоре было прохладнее. Здесь не пахло духами и вином. Здесь пахло камнем, пылью и... тем самым дымом. Драконьим. Как будто стены дворца помнили, сколько раз здесь принимали решения, от которых ломались люди. Вера шагнула к выходу — и браслет на запястье вдруг потеплел. Не просто потеплел — обжёг.

Она дёрнулась и инстинктивно отдёрнула руку, будто прикоснулась к раскалённому металлу.

— Что за... — прошептала она.

— Порог, — тихо сказал капитан. — Сейчас печать держит вас в пределах дворца. Я открою путь к карете; оступитесь в сторону — она снова обожжёт.

— Значит, это работает прямо сейчас, — Вера стиснула зубы.

— Да.

— И если я попытаюсь...?

Капитан не ответил. Но его молчание было красноречивее слов. Вера посмотрела на свою ладонь. На коже, под браслетом, проступил тонкий рисунок — будто чешуйка, будто ветка, будто трещина. Она моргнула — и рисунок исчез. Или ей показалось. Но боль осталась.

— Дайте мне документ, — потребовала она.

Капитан протянул свиток с чёрной печатью. Вера сломала печать ногтем. Воск треснул, как косточка. Внутри был короткий текст — слишком короткий для того, чтобы менять жизнь: «Вера Арден направляется в поместье Чернокамень. На поместье возложены долги прежнего владельца. Управление поручается ссыльной. По прибытии печать замыкается на границах вла-

дения, включая приписанную деревню и речные угодья. Выезд за эти границы запрещён до погашения задолженности и снятия печати Совета либо по отдельному разрешению».

Вера перечитала медленно.

— Долги, — сказала она вслух. — Прекрасно. Вы не просто выкинули меня — вы ещё и привязали к руинам.

— Это... — капитан снова сглотнул. — Это постановление.

— Постановление, — повторила Вера, и в её голосе появилась сталь. — Хорошо. Пусть будет так.

Она свернула бумагу аккуратно, будто складывала не приговор, а план.

— Один сундук, говорите?

— Да.

Вера подняла глаза и посмотрела туда, где за стенами продолжался бал.

— Положите в сундук мою обычную одежду, — сказала она. — И бумагу, если мне ещё разрешено писать.

Капитан кивнул и передал распоряжение дежурному слуге. Пока несли сундук, Вера дошла до кареты. На улице было темно, небо висело низко, как тяжёлый занавес. Фонари горели жёлтым светом, и в этом свете всё казалось чуть больнее, чем должно. Карета была чёрная. Без герба дворца. На двери — маленькая металлическая пластина с вырезанной башней.

Чернокамень. Вера положила ладонь на ручку — и браслет снова потеплел. Но теперь боль была другой: не укус, а предупреждение. Как будто кто-то невидимый сказал ей: «Добро пожаловать». Перед тем как сесть, она всё же оглянулась на освещённые окна. Рэйгар не вышел проводить её. Вера отвернулась, чтобы капитан не увидел слёз, которых ей удалось не показать в зале.

Она села в карету и прижала больное запястье к груди. Капитан закрыл дверцу; вскоре колёса загремели по камню. А на запястье под браслетом — там, где мгновение назад не было ничего — выступила тонкая тёмная линия, похожая на трещину в камне. И линия медленно, едва заметно, потянулась вверх — к ладони.

Глава 2 — Чернокамень встречает хозяйку

Колёса кареты подпрыгнули на камне — и тёмная линия под браслетом рванула чуть выше, будто обрадовалась боли. Вера резко сжала пальцы, стараясь не показать, как её прошило. Внутри тесной кареты пахло кожей, холодным железом и дорожной пылью. За окном, в щёлке между занавесками, тянулся ночной тракт: мокрый, блестящий, как чёрная лента.

— Потихе нельзя? — спросила она в пустоту, хотя знала: кучер услышит.

Снаружи послышался хриплый смехок.

— Дорога тут такая, госпожа... — он запнулся. — Леди.

«Леди». Слово звучало так, будто он вытаскивал его из кармана, где оно лежало вместе с медяками.

— Вера, — спокойно поправила она. — Просто Вера.

Молчание было недолгим.

— Как скажете... Вера.

Ей понравилось, что он всё-таки сказал. Не из уважения — из осторожности. Осторожность всегда полезнее ненависти. Она опустила взгляд на запястье. Браслет сидел гладко, как украшение для бала, только холодный и слишком правильный. Если приглядеться, металл не отражал свет как обычное серебро — он будто поглощал его, делая кожу под ним бледнее.

Тёмная линия, похожая на трещину в камне, шла от внутренней стороны запястья к ладони, тонкая, как волос. Вера провела по ней пальцем другой руки — и вздрогнула: подушечки словно наткнулись на крошечные чешуйки.

— Не нравится? — спросил кучер, будто видел её через стенку.

Вера уставилась в занавеску.

— Я не просила комментариев.

— Я тоже не просил ехать ночью в Чернокамень, — буркнул он. — Но вот мы едем.

Слова повисли. Где-то далеко ухнул филин — или это был не филин. Вера медленно выдохнула.

— Сколько ещё? — спросила она ровно.

— До рассвета дотянем, если кони не сдохнут, — ответил кучер. — Дальше начнутся поля.

— Поля?

— Мёртвые.

Вера на секунду закрыла глаза, словно это могло сделать «мёртвые» менее реальными.

— И что значит «мёртвые»?

Кучер сплюнул — она услышала звук даже через дерево.

— Значит, там не растёт. Не поёт. Не живёт. И люди туда не ходят.

— Люди всегда куда-то ходят, — сказала Вера. — Вопрос в цене.

Кучер снова хмыкнул.

— В Чернокамне цена такая, что лучше остаться дома.

«Дома». Она могла бы засмеяться, если бы смех не застрял на ребре. Вера прижала ладонь к окну. Стекло было холодным, мокрым от тумана. Она почти видела своё отражение — ту самую женщину в дорогом платье, которую только что «похоронили» при свечах. Изнутри кареты донёсся короткий стук: Вера уронила на пол дорожный свиток, когда браслет снова обжёг.

— Опять печать? — спросил кучер через открытое окошко перегородки.

— На камнях трясёт, — сухо ответила она.

— Вижу. Только дорога тут ни при чём, когда вы так тихо становитесь.

Она медленно повернула голову, будто могла посмотреть на него взглядом сквозь дерево.

— Мне страшно. Если вам станет легче, я могу это признать. Только правьте ровнее, прошу вас.

— Доедем, — буркнул он после паузы. — За дорогу я отвечаю.

Вера прислонилась к стенке и на мгновение закрыла глаза: даже это простое обещание помогло ей немного успокоиться. Карета снова подпрыгнула. Трещина под браслетом дернулась, как живая, и Вера до боли сжала зубы, чтобы не зашипеть. Рассвет в этих местах не приходил — он просачивался. Сначала мир становился серым, потом ещё более серым, а потом из этой серости вылезали силуэты. Кривые деревья. Холмы. Заборы, будто сплетённые из костей. И поля — действительно мёртвые: земля лежала гладкой, как выжженная кожа, а редкие стебли торчали, как иглы.

— Вот они, — сказал кучер, и голос его стал тише.

Вера отодвинула занавеску и посмотрела. Поле было покрыто тонким налётом инея, хотя воздух уже должен был быть тёплым. Ветер шёл по земле, но не шевелил ничего — словно не находил, за что зацепиться.

— И давно так? — спросила Вера.

— С тех пор, как прежний хозяин... — кучер не договорил.

— Умер?

Он коротко хмыкнул.

— Если бы умер, было бы проще.

Вера не повернулась. Ей не нужно было видеть его лицо, чтобы понять: он не пугает её ради удовольствия. Он сам боится.

— Как тебя зовут? — вдруг спросила она.

— А это зачем?

— Мы вместе едем всю ночь. Мне хотелось бы знать, кого благодарить, если доберёмся.

Пауза.

— Грэм, — буркнул кучер. — Грэм Хольт.

— Хорошо, Грэм, — мягко сказала Вера. — Ты довезёшь меня до ворот и получишь свои деньги. А дальше — решишь сам, где тебе безопаснее.

Он усмехнулся, но в усмешке не было уверенности.

— Безопаснее? В этих местах?

Вера посмотрела на поля, на туман, на белые следы инея.

— Я не прошу тебя оставаться навсегда. Помоги мне найти управляющего. Не хочу, чтобы ты уехал, оставив меня у запертых ворот.

— Вы... — Грэм кашлянул. — Ты думаешь, Чернокамень платит?

— Тогда запиши мой долг, — ответила она. — Я найду, чем расплатиться.

Карета въехала в узкий лесок. Деревья здесь были чёрными, кора на них местами треснула, словно от огня. Между стволами висели лохмотья тумана, и казалось, будто кто-то прячется там и дышит в спину. Вера машинально положила руку на браслет. Металл чуть потеплел, как если бы под ним была крошечная печка.

— Не трогай, — быстро сказал Грэм. — Не трогай эту штуку.

— Почему? — спросила Вера.

— Потому что... — он запнулся. — Потому что печати не любят, когда их трогают.

Вера подняла бровь.

— А что, они у тебя кусаются?

— В Чернокамне кусается всё, — сказал он глухо.

Она промолчала. Ей не хотелось признавать, что эти слова цепляют. Но она запоминала. Всё, что могло спасти жизнь, стоило запоминания. Ворота показались внезапно. Сначала Вера увидела стену — низкую, из тёмного камня, будто сложенную из ночи. Потом — башенку с

обвалившейся крышей. Потом — железные створки ворот, покрытые ржавчиной и странными потёками, словно металл плакал.

На воротах был герб: башня и крылья. Тот же, что на печати ссылки. Грэм остановил карету так резко, что Вера ударилась плечом о стенку.

— Приехали, — сказал он и не двинулся.

Вера выпрямилась, расправила платье — нелепое для этой грязи и мрака — и открыла дверцу. Холодный воздух ударил в лицо. Он пах сыростью, камнем и чем-то ещё — затхлым, как закрытый сундук. Её нога ступила на землю — и браслет обжёг. Не так, как у дворца. Здесь было иначе. Будто запрет не предупреждал, а приветствовал. Будто печать сказала: «Ты моя».

Вера подавила вскрик и заставила себя улыбнуться.

— Очаровательно, — произнесла она вслух.

— Я дальше не поеду, — сразу сказал Грэм, спрыгивая с козел. — Я до ворот довёз.

— А сундук? — Вера кивнула на заднюю часть кареты.

— Я поставлю. И уйду.

— Грэм, — Вера произнесла его имя мягко, но с нажимом. — Ты не уйдёшь, пока я не увижу человека, который отвечает за поместье.

Грэм побледнел.

— Никто тут не отвечает.

— Тогда начну я, — сказала Вера.

Она подошла к воротам. На камне рядом висел колокол — маленький, зелёный от времени. Вера взяла верёвку и дёрнула. Колокол звякнул... и звук ушёл куда-то внутрь стены, будто его проглотили. Никакого эха. Никакого ответа.

— Ну? — спросила Вера, не оборачиваясь.

Грэм нервно переступил с ноги на ногу.

— Я говорил...

Вера дёрнула ещё раз. Колокол звякнул. И снова — тишина. Тогда она прижала ладонь к воротам. Холодный металл был чуть влажным. Трещина под браслетом вспыхнула болью — и в тот же миг железо под её рукой чуть дрогнуло. Словно ворота... вдохнули. Вера отдёрнула ладонь.

— Ты это видел? — резко спросила она.

— Нет, — быстро ответил Грэм. Слишком быстро. — Ничего я не видел.

Грэм смотрел на её руку, и отрицать увиденное ему явно не удавалось.

— Я тоже видела. Скажи, это случилось раньше? Мне нужно знать, прежде чем входить.

Он сглотнул.

— Я... видел. Но это... — он махнул рукой. — Это Чернокамень.

— Отлично, — Вера повернулась к воротам снова. — Значит, будем знакомиться.

Она подняла подбородок и громко произнесла:

— Я Вера Арден. По постановлению Совета — хозяйка Чернокамня. Откройте.

Тишина длилась слишком долго. Потом в глубине поместья что-то щёлкнуло. Не металл — скорее дерево. Будто кто-то снял засов. И створки ворот медленно, с тягучим скрипом, разошлись сами. Грэм отшатнулся.

— Я же говорил... — прошептал он.

— Ты говорил, что всё кусается, — сказала Вера. — Пока что оно только смотрит.

Она шагнула внутрь. За воротами начиналась дорога из каменных плит. Некоторые плиты были провалены, между ними пророс мох — странно яркий на фоне мёртвых полей. По обе стороны стояли перекошенные фонари. Дом виднелся впереди: большое здание из тёмного камня, с выбитыми окнами, с крышей, местами провалившейся. Башня справа была накрена, будто собиралась упасть.

Даже сквозь разрушения проступало прежнее богатство: широкая лестница, резные наличники, каменные перила. Вера с тревогой подумала, сколько лет понадобилось, чтобы довести такой дом до этого состояния. Вера остановилась на секунду, и впервые за всю ночь внутри что-то дрогнуло по-настоящему.

Карета оставалась за воротами. Стоило Грэму уехать — и рядом не осталось бы никого, кто знал хотя бы дорогу обратно. «Не реви», — приказала себе Вера. «Не сейчас. Потом. В одиночестве. В углу. Но не здесь».

— Сундук, — напомнима она себе вслух и обернулась к Грэму. — Неси.

— Я... — Грэм посмотрел на дорогу, на дом, на пустые окна. — Я оставлю у ворот.

— Помоги донести до крыльца. С этим браслетом я едва могу разогнуть руку.

Грэм посмотрел на её запястье, тихо выругался и поднял сундук. К дому он шёл медленно, выбирая целые плиты и всякий раз проверяя, рядом ли Вера. Они дошли до крыльца. Двери дома были распахнуты, но внутри стояла темнота, густая, как старый дым.

— Эй! — громко крикнула Вера. — Есть кто живой?

Тишина. Потом из темноты послышались шаги. Медленные. Осторожные. В проёме появился мужчина лет пятидесяти, худой, с серыми волосами, собранными в хвост. На нём был поношенный камзол, но даже в бедности держался он с достоинством. Глаза — светлые, настороженные. Он посмотрел на Веру так, словно пытался понять, не призрак ли она.

— Вы... — голос у него был хриплый. — Вы не должны были приехать.

— Прекрасное приветствие, — сказала Вера. — Вы кто?

Мужчина медлил.

— Управляющий, — наконец произнёс он. — Саймон Грейв.

— Отлично, Саймон Грейв, — Вера шагнула ближе. — Я — Вера. Теперь я здесь. И у меня два вопроса: где люди и где кухня.

Саймон моргнул, как человек, которому ударили по голове неожиданной практичностью.

— Люди... — он облизнул губы. — Люди ушли.

— Все?

— Те, кто мог, — тихо сказал он. — Остались... немногие. Внизу. Боятся подниматься.

— Чего? — Вера прищурилась.

Саймон посмотрел на её запястье. На браслет. И быстро отвёл взгляд, будто обжёгся.

— Дома.

Вера кивнула, будто это было самым обычным ответом.

— Кухня?

Саймон словно очнулся.

— Если... если вы правда хотите войти, — сказал он, и голос его дрогнул, — то... прошу.

— Мне всё равно некуда идти, Саймон. Покажите кухню, пожалуйста.

Она шагнула в дом. Внутри пахло плесенью, пеплом и чем-то сладким, неприятным — как у старых лекарств. Пол скрипел. В углах темнели следы сырости. На стенах висели гобелены, изъеденные молью, и портреты, лица на которых были испорчены — будто кто-то специально выцарапал глаза. Грэм поставил сундук у стены и попятился.

— Всё, — быстро сказал он. — Я...

— Стой, — Вера посмотрела на него. — Деньги получишь у кухни. И уйдёшь только после того, как выпьешь чаю. Иначе свалишься в канаву по дороге.

— Я не...

— Ты всю ночь на козлах. Выпей горячего, а потом езжай. Плату обсудим там же.

Грэм открыл рот, но закрыл. Посмотрел на Саймона, словно тот мог спасти. Саймон только пожал плечами — мол, раз уж она пришла, пусть будет как сказала. Они прошли по коридору. Под ногами хрустнуло стекло. Где-то наверху поскрипывало, будто кто-то ходил. Вера остановилась.

— Кто там? — спросила она.

Саймон побледнел.

— Ветер.

— Это похоже на шаги. Вы тоже их слышите?

Грэм тихо выругался.

— Здесь... так бывает, — сказал Саймон. — Пожалуйста. Не смотрите вверх.

Вера посмотрела на него внимательно.

— Саймон, — тихо сказала она, — если вы хотите, чтобы я выжила, вы будете говорить правду.

Саймон сжал губы.

— Я хочу, чтобы вы уехали, — сказал он честно. — Тогда у вас есть шанс.

Вера кивнула.

— Вы видите браслет? Мне не разрешили выбирать. Помогите разобраться, как здесь прожить хотя бы первый день.

Они вошли в кухню. Там было чуть теплее, потому что в камине тлели угли — кто-то поддерживал огонь, значит, дом не был совсем пустым. У стола стояла женщина средних лет, широкоплечая, с руками, красными от работы. Она держала в руках нож — не угрожающе, но уверенно.

— Кто это? — спросила она Саймона.

— Хозяйка, — выдохнул он, будто это слово было камнем.

Женщина посмотрела на Веру с недоверием.

— Хозяйка? — она сплюнула в угол. — Последняя хозяйка умерла через неделю.

Грэм дёрнулся, как от удара. Вера не моргнула.

— Как вас зовут? — спросила она женщину.

— Марта, — буркнула та. — А вам что?

— Марта, — Вера произнесла имя чётко. — Я не умру через неделю. И сейчас мне нужен чай, хлеб и список того, что у вас осталось.

Марта засмеялась — грубо.

— Список? У нас осталось два мешка муки, полмешка крупы и страх.

— Муку и крупу посчитаем. Со страхом разберёмся после чая. Марта, я не спала всю ночь — можно сначала сесть?

Саймон посмотрел на неё так, будто впервые увидел свет.

— Вы... не понимаете, — прошептал он.

Вера повернулась к нему.

— Я понимаю одно: если вы говорите «умирали», значит, тут есть причина. И я её найду.

Марта поставила кружку перед Верой так, что чай плеснул.

— Найдёте? — прищурилась она. — А если причина найдёт вас первая?

— Поэтому расскажите мне, чего избегать, — ответила Вера. Она обхватила кружку обеими руками и сделала глоток. Горький, слабый чай обжёг язык, но его тепло было сейчас нужнее любых утешений.

Грэм переминался у двери, готовый сбежать.

— Саймон, — Вера поставила кружку. — Где остальные?

Саймон вздохнул.

— Внизу. В старых комнатах. Там... безопаснее.

— Почему? — спросила Вера.

Саймон медлил, но Марта ответила за него:

— Потому что дом ночью просыпается.

Вера посмотрела на Марту.

— И что он делает?

Марта постучала ножом по столу — раз, два.

— Он зовёт. Скребётся. Шепчет. Иногда... — она скривилась. — Иногда забирает.

Грэм побледнел окончательно.

— Я пошёл, — выдавил он.

— Сначала деньги, — напомнила Вера. — И чай допей.

Грэм посмотрел на её лицо — и, видимо, понял: спорить бесполезно. Вера откинулась на спинку стула, делая вид, что всё под контролем. Внутри же впервые за всё это время ей захотелось закрыть глаза и исчезнуть на минуту. Уязвимость накрыла неожиданно: не слёзы, а пустота. Она вдруг подумала о том, как звучали скрипки за спиной, когда её уводили. Как Рэйгар сказал «свободна». Как не посмотрел.

Вера резко вдохнула — и сжала пальцы на кружке.

— Дайте мне бумагу, — сказала она.

Саймон моргнул.

— Бумагу?

— Да, — Вера подняла взгляд. — И уголь. Или чернила. Что угодно.

Марта фыркнула.

— Зачем?

— Запишу, что нужно сделать. Сейчас у меня в голове слишком много всего, чтобы удерживать без бумаги.

Саймон вдруг кивнул и исчез в коридоре. Вернулся с листами и огрызком угля. Вера разложила бумагу на столе и начала писать.

— Первое: инвентаризация, — проговорила она вслух. — Еда, вода, дрова, инструмент. Второе: люди. Сколько их, кто умеет что. Третье: крыша. Четвёртое: охрана.

Марта хмыкнула.

— Охрана? Кого охранять? Тут же пусто.

— Я хочу знать, кто входит в дом. Хотя бы ночью. После того, что вы рассказали, это разумная предосторожность.

Грэм кашлянул.

— У вас... у тебя печать на руке, — сказал он, кивая на браслет. — Она... она не просто запрет. Она Чернокамень привязывает.

Вера подняла на него взгляд.

— Откуда ты знаешь?

Грэм отвёл глаза.

— Я возил сюда... — он замолчал.

Вера не давила. Она просто ждала. Грэм сдался.

— Я возил сюда двух, — признался он. — Одну — молодую, плакала. Вторую — злую, как вы. Они... не вернулись.

Марта отвернулась, будто это было неприятно. Саймон опустил голову. Вера почувствовала, как по спине прошёл холод, но голос остался ровным.

— Что с ними случилось?

Саймон заговорил тихо:

— Первая пыталась сбежать. Браслет сжёг ей руку. Она... — он сглотнул. — После этого она перестала узнавать нас. Потом вышла в сад — там её нашли мёртвой. Вторая... думала, что победит. Она полезла наверх ночью. Дом не любит, когда его тревожат.

Вера медленно кивнула, запоминая.

— Значит, — сказала она, — правило номер один: не пытаться бежать. Правило номер два: ночью наверх не ходить. Пока.

Марта посмотрела на неё с подозрением.

— «Пока»?

— Да, — Вера подняла глаза. — Потому что я хочу сначала выяснить, что случилось с ними. Запреты не помогут, если мы даже не понимаем опасности.

— Мы? — Марта скривилась. — Вы говорите «мы», будто вам тут рады.

Вера улыбнулась.

— Мы уже здесь, Марта. Вы знаете дом, я могу попробовать наладить хозяйство. Поодиночке будет труднее.

Марта хотела что-то сказать, но промолчала. Саймон выдохнул так, будто ему стало легче.

— Вера, — неожиданно произнёс Грэм, — вам... тебе охрану прислали.

Вера подняла голову.

— Какую охрану?

Грэм мотнул головой в окно. Снаружи послышался стук копыт. К кухне подъехали двое всадников в тёмных плащах. На их плечах — серебряные чешуйки. Драконья стража. Вера поднялась, чувствуя, как внутри всё сжалось — не от страха, от злости.

— Люди Ардена, — сказала она сквозь зубы. — Даже сюда он прислал своих стражников.

Марта фыркнула:

— «Он»?

— Герцог Арден, — холодно ответила Вера.

Саймон побледнел.

— Здесь... его люди? — шепнул он.

— Проверим, с каким приказом они приехали, — ответила Вера и выпрямилась.

Она вышла во двор. Всадники спешили. Один был молодой, с лицом, на котором ещё не застыли чужие смерти. Второй — старше, с глазами, пустыми как сталь. Старший заговорил первым:

— Вера Арден?

— Да, — ответила она. — Чего надо?

Молодой всадник дёрнулся, будто не ожидал такого тона. Старший достал кожаный тубус и протянул.

— Приказ герцога Рэйгара Ардена. Вам выделена охрана на время... пребывания.

— На время ссылки, — поправила Вера.

— На время пребывания, — сухо повторил он.

Вера взяла тубус, не отводя взгляда.

— И в чём подвох?

Молодой всадник открыл рот, но старший сказал ровно:

— Мы обязаны не допустить вашего побега и защищать вашу жизнь в пределах владения.

Приказ герцога.

Вера усмехнулась.

— То есть вы — цепь с ногами.

— Если хотите, — пожал плечами старший.

Вера распечатала тубус. Внутри был короткий приказ с печатью дома Пепельных Крыльев. Почерк Рэйгара — резкий, узнаваемый: «Стража остаётся при Вере Арден. Обеспечить её безопасность. Не вмешиваться в управление без необходимости. Не допустить выезда за пределы владения без разрешения. Обо всём необычном докладывать напрямую».

Вера прочитала дважды.

— «Обо всём необычном», — тихо повторила она. — Вот как.

Она подняла глаза на стражника.

— Имя.

— Дорн, — ответил старший. — Сержант Дорн.

— А ты? — спросила Вера, глядя на молодого.

— Лис, — быстро сказал тот. — Рядовой Лис.

Вера кивнула.

— Хорошо, Дорн. Хорошо, Лис. У меня правило: кто под моей крышей — работает. Хотите стоять цепью? Будете цепью, которая таскает дрова, чинит крышу и охраняет людей. Иначе — можете сразу разворачиваться.

Дорн прищурился.

— Мы подчиняемся герцогу.

— А герцог приказал «не вмешиваться без необходимости», — спокойно сказала Вера. — Сейчас необходимость — выживание. Если вам не нравится, напишите ему.

Лис едва заметно улыбнулся — и тут же спрятал. Дорн подумал секунду.

— Где ставить пост?

— У ворот, оттуда видно дорогу. Саймон покажет, где напоить коней. Потом я попрошу вас осмотреть крышу над кухней: она течёт.

Она развернулась и пошла обратно в дом. И только войдя в коридор, позволила себе тихо прошептать, так, чтобы никто не услышал:

— Спасибо... и иди к демонам.

Неясно, кому это было адресовано — Рэйгару, судьбе или самому дому.

К вечеру в Чернокамне впервые за долгое время стало похоже на жизнь. Не на уют — на жизнь. Марта с ворчанием выдала людям остатки муки и заставила печь лепёшки. Саймон, как будто вспомнив, что он управляющий, вытащил из кладовой старые списки долгов и ключи от помещений. Лис таскал дрова так старательно, будто хотел доказать, что он не просто «цепь». Дорн проверял окна и двери, молча отмечая слабые места.

Вера ходила по дому, как по ране: касалась стен, смотрела на трещины, считала ступени, отмечала, где сквозит. Она заставила людей собрать в одной комнате всё, что годилось для починки: гвозди, доски, верёвки.

— Завтра начнём с крыла над кухней, — сказала она Саймону. — Если кухня рухнет, мы умрём быстрее, чем проклятие успеет нас попробовать.

Саймон кивнул, и в его глазах впервые мелькнуло что-то, похожее на надежду.

— Вы... правда думаете, что можно... — он не договорил.

— Крышу можно залатать. И людей накормить сегодня можно. Дальше посмотрим, что осталось в кладовых.

— Балки могут не выдержать, — заметил Дорн. — Сначала проверим опоры.

Вера обернулась.

— Вы же не вмешиваетесь, сержант?

— Я наблюдаю, — сухо сказал он.

— Тогда покажете утром, как туда подняться. Я не хочу, чтобы кто-то провалился над печью.

Дорн не обиделся — только кивнул. Он уже смотрел на дом внимательнее, чем на её браслет. Когда солнце окончательно ушло, туман поднялся с полей и пополз к дому, как белая грязь. Окна потемнели. Тени в коридорах стали глубже. Марта сама принесла Вере одеяло.

— Не думайте, что я вас люблю, — буркнула она. — Просто... — она запнулась. — Просто нельзя, чтобы хозяйка сдохла в первую ночь.

Вера взяла одеяло.

— Спасибо, Марта.

— Не за что, — буркнула та и ушла.

Саймон проводил Веру до комнаты — небольшой, но чистой. Здесь было окно, занавески, даже старая кровать. На стене висел портрет мужчины с холодными глазами — прежний хозяин? Лицо было целым. Глаза — нет. Их кто-то выпарапал.

— Это... — Саймон быстро отвёл взгляд. — Это лучшее, что у нас есть.

— Саймон, — Вера повернулась к нему. — Мне нужно знать то, о чём вы пока молчите. Я вижу, что вы боитесь. Но незнание не защитит меня.

Он побледнел.

— Я не хочу умирать.

— Тогда будем жить, — сказала Вера. — И вы начнёте с того, что расскажете мне всё.

Саймон сглотнул.

— Не сейчас, — прошептал он. — Ночью дом слушает.

Вера подняла бровь.

— Дом слушает?

Саймон кивнул, будто это было очевидно.

— Он... слышит слова. Особенно правду.

— Тогда утром, в безопасном месте. Вы сами его выберите. Но я не могу ещё день прожить среди намёков.

Саймон почти улыбнулся — и тут же испугался своей улыбки.

— Если услышит... будет плохо.

— Тогда мне нужен ваш страх тоже, — сказала Вера. — Чтобы понимать, что именно не делать.

Саймон выдохнул.

— До вас... сюда присылали женщин. Одну — совсем девочку. Другую — гордую. Они обе... — он закрыл глаза. — Они обе думали, что Чернокамень — просто руины. Но он — не руины. Он — ловушка.

— Кем поставленная? — спросила Вера.

Саймон молчал слишком долго.

— Домом, — прошептал он наконец. — И тем, что в нём живёт.

Вера почувствовала, как браслет на запястье потеплел. Трещина под ним дёрнулась — будто услышала.

— Хорошо, — сказала Вера, подавляя холод. — Завтра продолжим.

Саймон кивнул и ушёл, закрывая дверь осторожно, будто боялся её разбудить — или дом. Вера осталась одна. Тишина была неправильной: слишком плотной. Словно дом затаился, чтобы слушать её дыхание. Она переоделась в рубаху из дорожного сундука и легла, оставив туфли рядом с кроватью, чтобы не искать их в темноте. Под одеялом было холодно. Она смотрела в потолок, и впервые за весь день позволила себе одну слабость: чуть-чуть дрожать.

Ей хотелось услышать за дверью знакомые шаги и хотя бы на минуту поверить, что за неё уже решили всё страшное. Но за дверью было тихо. Завтра она снова встанет, спустится на кухню и станет решать сама. «Я справлюсь», — сказала она себе мысленно. И тут в коридоре послышался звук. Не шаги. Скребок. Как ногтями по камню.

Вера напряглась, не двигаясь. Скребок повторился — ближе. Потом — шёпот. Не слова. Слоги, будто дом пытался вспомнить язык. Вера медленно села. Браслет на запястье загорелся теплом, и трещина поползла дальше — к ладони.

— Нет, — прошептала Вера. — Только не сейчас.

Шёпот стал громче. И вдруг на стене напротив, над выцарапанными глазами портрета, проявился знак — тонкая линия света, складывающаяся в символ башни и крыльев. Знак вспыхнул — и будто посмотрел на неё. Вера замерла. А знак — медленно, очень медленно — начал менять форму, как живой. И в этой форме проступили буквы.

Одно слово. Её имя. «Вера».

Глава 3 — Цена тишины

Слово на стене не исчезало. Оно светилось тонко, как тлеющий уголь под пеплом: «Вера» — и каждая буква будто дышала, подстраиваясь под её вдохи. Дом молчал, но это молчание было не пустым, а внимательным. Как у зверя, который лежит в темноте и слушает, как ты переступаешь. Вера сидела на краю кровати, не двигаясь, и пыталась понять главное: это угроза или пр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.